

Дата

Виктор Аксюциц

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА Духовное помутнение общества

Сначала XX века **идейное помутнение** в той или иной степени поражало все сословия в России. Одних оно превратило в маньяков революционных потрясений, других лишило воли к сопротивлению и способности реалистично мыслить, третьих направило на поиски исторических миражей. Правящие сословия — аристократия, дворянство, бюрократия — тоже были заражены модными формами **идеологической мании** или проявляли слепой эгоистический консерватизм.

По итогам Русско-японской войны напрашивался союз России с поддержавшей её Германией против Англии, которая была союзницей Японии. Но это означало бы конфронтацию с Францией, которая недальновидной политикой была превращена в главного кредитора России. Перед войной с Германией лидер партии октя-

бристов А.И. Гучков писал о трагических последствиях безумных решений власти: *«Общественные симпатии и доверие, бережно накопленные вокруг власти во времена Столыпина, вмиг отхлынули от неё. Власть не способна внушить даже и страха. Даже то злое, что она творит, — часто без разума, рефлекторными движениями. Правительственный курс ведёт нас к неизбежной тяжёлой катастрофе. Но ошибутся те, кто рассчитывает, что на развалинах повергнутого строя воцарится порядок. В тех стихиях я не вижу устойчивых элементов. Не рискуем ли мы попасть в полосу длительной анархии, распада государства? Не переживём ли мы опять Смутное время, но в более опасной внешней обстановке?»*

П.А. Столыпин как никто понимал необходимость мира для России. Весной 1909 года, после

ДАТА

неожиданной для российского министерства иностранных дел аннексии Австро-Венгрией территории Боснии и Герцеговины, Столыпин удержал Россию от ввязывания в гибельную войну: «Пока я у власти, я сделаю всё, что в силах человеческих, чтобы не допустить России до войны, пока не осуществлена целиком программа, дающая ей **внутреннее оздоровление**». И здесь он выступал наперекор действиям тупоголовых «патриотов».

В отношениях с Германией было проигнорировано завещание П.А. Столыпина о том, что Россия не нуждается в расширении территорий, ей необходимо привести в порядок государственное управление и повышать благосостояние населения, для чего необходим длительный международный мир. В начале XX века у России не было столкновений геополитических интересов с Германией, в которой правил родственный императорский дом. Однако мощные мировые силы, заинтересованные в крушении процветающей России, толкали её к войне. Внутри страны ложно понимаемые союзнические обязательства и **утопические мессианские настроения** (панславизм, «освобождение» Царьграда, выход к Босфору) в обществе и правящей элите складывались в атмосферу экзальтированного лжепатриотизма и германофобии, в ней заглушались здравые голоса. И правя-

щий слой, и оппозиция грезил: «*Константинополь и достаточная часть примыкающих берегов, Hinterland... Ключи от Босфора и Дарданелл, Олегов щит на вратах Царьграда — вот заветные мечты русского народа во все времена его бытия*» (П.Н. Миллюков).

"Победить всего Исмаила и овладеть Седьмихолмы" — это и стало для русской истории "манией, подобной той, что владела католиками во время крестовых походов на Иерусалим". Вопреки тому, что сама география континента открывала для России естественную область расширения — от европейских Вислы и Дуная до Тихого океана и от Северного Ледовитого океана до Индийского — при том, что Средиземноморье — зона Атлантики и атлантической цивилизации. Иной, чуждой и чуждой» (В.И. Карпец).

За полгода до начала войны бывший министр внутренних дел Пётр Дурново в записке императору предсказывал неизбежные бедствия в случае войны с Германией: «*Главная тяжесть войны выпадет на нашу долю. Роль тарана, пробивающего толщу немецкой обороны, достанется нам... Война для нас чревата огромными трудностями и не может оказаться триумфальным вхождением в Берлин. Неизбежны и военные неудачи... те или иные недочёты в нашем снабжении... При исключительной нервозности на-*

шего общества этим обстоятельством будет придано преувеличенное значение... Начнётся с того, что все неудачи будут приписываться правительству. В законодательных учреждениях начнётся яростная кампания против него... В стране начнутся революционные выступления... Армия, лишившаяся наиболее надёжного кадрового состава, охваченная, в большей части стихийно, общим крестьянским стремлением к земле, окажется слишком деморализованной, чтобы послужить оплотом законности и порядка... Россия будет ввергнута в беспросветную анархию, исход которой не поддаётся предвидению». Министр взывал к Николаю II: «Государь! Единственным призом в этой войне может быть Галиция... только безумец может хотеть присоединить Галицию. Кто присоединит Галицию, потеряет империю» (П.Н. Дурново). (До сего дня Галиция является источником геополитической угрозы для России.) **Духовное помутнение** не позволило власти осознать национальные интересы, а обществу проявить подлинный патриотизм.

Иллюзия национального единства быстро развеялась, трагические тяготы войны усугубили раскол, взнуздали **мании** и **паранойи** в обществе: «Так далеко вклинились между российским обществом и российской властью — раздор, недоверие, подозрение, хитрость, в таком взаимном

разладе они вступили в войну, что даже оба теперь, желая победы, подзревали другого в пораженчестве» (А.И. Солженицын). Общество наполнялось **демонией разрушения**, а власть теряла волю к защите государственных интересов: «Власть, как будто признавая худшее, что о ней думали, безропотно отдавала новые и новые поля деятельности в воюющей стране — самозванным комитетам, не подчиняя их никакому единому руководству. Общественные организации настаивали на своём бескорыстии и своей талантливости — и не было голоса, кто посмел бы усумниться... Всё перемешалось: члены этих комитетов получили свободный доступ в военное министерство, в отделы заказов и заготовок, от них не стало там секретов, и всё распределение заказов между заводами стало зависеть теперь от них, возбуждая к ним заискивание производителей, а их патриотическое посредничество оплачивая за казённый же счёт процентом от многомиллионных военных заказов, — для воюющей страны достаточно **безумная обстановка**» (А.И. Солженицын). Уступая общественному давлению, правительство разрешает учредить особые совещания, которые претендуют на руководство военным снабжением и которые легализовали самоорганизацию и разрушительную деятельность революционных сил: «Земский и Городской союзы являются колоссальной правительствен-

ДАТА

ной ошибкой. Нельзя было допускать подобные организации без устава и определения границ их деятельности. Их личный состав и конструкции не предусмотрены законом и правительству не известны. В действительности они являются средоточием уклоняющихся от фронта, оппозиционных элементов и разных господ с политическим прошлым. Эти союзы произвели фактическое, захватное расширение полномочий и задач» (А.Г. Щербатов).

Шизофренический раскол в национальном сознании сказывался во всём и во всех слоях общества, этот «субъективный» фактор был основной причиной разрушения жизненного уклада. Обильные материалы, свидетельствующие о **духовном разложении** в стране, приводит А.И. Солженицын в романе «Красное колесо». Командование армии действовало как единственная властная инстанция в стране, порождая новые катастрофические проблемы. Фронт перемалывал лучшую часть народа, а в армию сверхнеобходимого призываются миллионы запасников, которые оказываются брошенными на произвол между фронтом и тылом. «Обилие бездельников в серых шинелях, разгуливающих по городам, сёлам, железным дорогам и по всему лицу земли русской... Зачем изымать из населения последнюю рабочую силу, когда стоит только прибрать к рукам и рассадить по окопам

*всю эту толпу гуляк?» (А.В. Кривошеин). «В Москве — 30 тысяч выздоравливающих солдат, это буйная вольница, не признающая дисциплины, скандалящая, отбивающая арестованных в стычках с городскими. В случае беспорядков вся эта орда станет на сторону толпы» (А.Г. Щербатов). Бездумно брошенные в столицы десятки тысяч запасных и выздоравливающих солдат сыграют разрушительную роль в семнадцатом году. Армейское командование инициирует массовое бегство гражданского населения из оставляемых областей вглубь России: «Из всех тяжких последствий войны — это самое неожиданное, грозное и непоправимое. И что ужаснее всего — оно не вызвано действительной необходимостью или народным порывом, а придумано мудрыми стратегами для устрашения неприятеля. По всей России расходятся проклятия, болезни, горе и бедность. Голодные и оборванные повсюду вселяют панику. Идут они сплошной стеною, топчут хлеба, портят луга, леса, за ними остаётся чуть ли не пустыня. Даже глубокий тыл нашей армии лишён последних запасов. Я думаю, немцы не без удовольствия наблюдают результаты и освобождаются от забот о населении. Устраиваемое Ставкой второе великое переселение народов влечёт Россию к **революции** и к гибели» (А.В. Кривошеин).*

вошеин).

Военные власти брали под свой контроль гражданские сферы и области тыла, что дезорганизовывало управление. Поблизости к фронту в действиях военного руководства тоже проявлялась какая-то **маниакальность**: «У населения отбирали запасы, расплачиваясь какими-то бонами. Штабы отступали как в **безумии** — не во временный отход, но так разоряя местность — сжигая посевы, постройки, убивая скот, угрожая оружием землевладельцам, — как будто никогда не надеясь вернуться. От генеральских распоряжений отступающие войска провожались проклятиями... А Ставка уже проектировала отодвинуть границы театра войны — границу своей сумбурной власти и правительственного безвластия — ещё вглубь страны, до линии Тверь — Тула» (А.И. Солженицын). Опять же, трезвые голоса протеста игнорируются: «Невозможно отдать центральные губернии на растерзание орде тыловых героев. Упразднение нормальной власти — на руку **революции**» (А.Г. Щербатов). Естественно, такого рода безумные действия властей усугубляют **общее помрачение**: «Людей охватывает какой-то **массовый психоз, затмение** всех чувств и разума» (А.В. Кривошеин).

Неуклюжие попытки командования свалить вину за военные неудачи и грандиозное отступление лета 1915 года на евреев приво-

дят к ожесточённой реакции Запада и к отказу западных банков в необходимых финансовых кредитах. Роковое решение Николая II об отстранении великого князя Николая Николаевича и принятии на себя поста верховного главнокомандующего во многом мотивировано стремлением императора укрыться от невыносимого бремени верховной власти в приятной ему и родной для него армии: «Вот, он отодвинулся от всех бурь и питается показными телеграммами. Ушёл от центра власти и центра борьбы, и как это может сказаться на судьбе России? Разве на нём держалась Ставка? Разве без него мог функционировать правительственный Петроград?» (А.И. Солженицын). Правительство лишается его поддержки и защиты от разъярённого общества, бросается на произвол придворных интриг — от императрицы до Распутина. Но более всего «абсолютно неподходящий момент... **Ставятся ребром судьбы России и всего мира...** Ставится вопрос о судьбе династии, о самом троне, наносится удар монархической идее, в которой вся сила и будущность России! Народ ещё с Ходынки и японской кампании считает государя несчастливым, незадачливым. Напротив, великий князь — это лозунг, вокруг которого объединяются великие надежды» (А.В. Кривошеин).

ДАТА

Те, кого заботили судьбы страны, были единомышленны: *«Я жду от перемены Верховного Главнокомандования грозных последствий. Смена великого князя и вступление Государя императора явится уже не искрой, а целой свечою, брошенной в пороховой погреб. Революционная агитация работает не покладая рук, стараясь всячески подорвать остатки веры в коренные русские устои. И вдруг громом прокатится весть об устранении единственного лица, с которым связаны чаяния победы. О царе с первых дней царствования сложилось в народе убеждение, что его преследуют несчастья во всех начинаниях»* (А.Д. Самарин). Даже лидер оппозиционной Думы взывает: *«Государь! Вы являетесь символом и знаменем — и не имеете права допустить, чтобы на это священное знамя могла пасть какая-либо тень. Вы должны быть вне и выше органов власти, на обязанности которых лежит непосредственное отражение врага. Неужели вы добровольно отдадите вашу неприкосновенную особу на суд народа, — а это есть гибель России. Вы решаетесь сместить Верховного Главнокомандующего, в которого безгранично ещё верит русский народ. Народ не иначе объяснит ваш шаг, как внушённый окружающими вас немцами. В понятии народном явится сознание безнадежности положения и наступившего хаоса в*

управлении. Армия упадёт духом, а внутри страны неизбежно вспыхнет революция и анархия, которые сметут всё, что стоит на их пути» (М.В. Родзянко). Практически все видели, что грядёт революционная катастрофа, многие указывали на способы противодействия ей. Но какая-то роковая безысходность покрыла Россию: если к кому-нибудь возвращалось здравомыслие, то их голоса тонули в вакханалии безрассудства.

С уходом в Ставку Николай II оградились от ненавистного для него общества. У него были основания не любить лидеров зарвавшейся общечеловечности и не доверять им, но бремя ответственности верховной власти требует возвыситься над личными неприятностями и поддержать любую возможность единения общества и власти в грозный момент: *«Но — когда-то и к чему-то же надо было склонять самодержцу ухо, хотя бы в четверть наклона. Можно было представить, что в этой огромной стране есть думающие люди и кроме придворного окружения, что Россия более разномысленна, чем только гвардия и Царское Село? Эти беспокойные подданные рвались к стопам монарха не с кликами низвержения или военного поражения, но — войны до победного конца. Просила общественность — политических уступок, но можно было отпустить хоть царской ласки, хороших слов.*

*Выйти и покинуть светлыми очами. Всё это было у них неискренне? Ну что ж, на то ремесло правления. Нельзя отсекал пути доверия с обществом — все до последнего... всё же — смертельная рознь власти с обществом была болезнь России, и с этой болезнью нельзя было шагать гордо победно до конца. Любя Россию, надо было мириться с ней со всей и с каждой. И ещё не упущено было помириться. Но за десятками нерастворных дубовых дверей неуверенно затаился царь. Пребывающему долго в силе бывает опрометчиво незаметен приход слабости, даже и несколько их — включая последний... Но ещё со смертью Александра III умерла энергия династии и её способность говорить открытым, полным голосом» (А.И. Солженицын). Робость, подозрительность, безволие Николая II были усилены, а достоинства ослаблены **атмосферой духовного разложения**, проникающей через сословные перегородки и дубовые двери. В обществе были искренние монархисты, которые могли послужить опорой трону, но они подвергались шельмованию и оказались без поддержки верховной власти. «Им тяжело оттого, что они верны династии, которая потеряла верность сама себе, когда самодержец как бы **околдован внутренним бессилием**, им тяжело оттого, что они должны подпирать столп, который сам за-*

колебался. Но — какой же путь показать, когда шатаются колонны принципов и качается свод династии? Самодержавие — без самодержца!.. Правые — рассеяны, растеряны, обессилены. Если уж и верные люди не нужны Государю?.. Если сама Верховная власть забыла о правых и покинула их?» (А.И. Солженицын).

*Трихины, носящиеся в воздухе (выражение Ф.М. Достоевского), многих лишали разума, у способных сознавать происходящее поражали волю. «Перед громким самоуверенным голосом образованного общества лишь редкое стойкое правительство смеет упереться, подумать, решить самостоятельно. А русское правительство под укорами и настояниями общественности то уступало, то колебалось, то забирало уступки назад. Его **воля была размыта**, текла такой же жижей, как русские осенние грунтовые дороги» (А.И. Солженицын). Правительство было неспособно на волевые действия, если на что-то решалось — не получало поддержки у безвольной верховной власти: «Правительством овладела и высшая нервность, и чувство бессилия. Министры горячо и подолгу обсуждали все проблемы, и обрывали обсуждения, и не решались постановить, и сами всё более видели, что от их обсуждений ничего не зависит. У них не было мер и методов воздействия, и даже при край-*

ДАТА

нем возмущении они не находили, как заставить, а только — поговорить, предупредить, внушить. Они ни в чём не проявляли решительности, категорического мнения, противостояния. Не только отобрана была от них четвёртая часть страны в управление генералов, но и в остальной её части они не имели ни в ком опоры, ощущали себя как бы висящими в воздухе. По рождению правительства и подчинению его естественная поддержка могла быть от монарха — но тот почти не ставил их ни во что, устранился от них и не прислушивался к их мнениям. Земский и Городской Союзы распоряжались по всей стране, не спрашивая правительства. Дума и общество всё ярее действовали захватно, игнорировали правительство начисто — а в законодательной деятельности Дума только тормозила всё, так что ни одного серьёзного закона уже нельзя было провести, тем более спешного» (А.И. Солженицын). По меткому выражению И.Г. Щегловитова, **«паралитики власти** что-то слабо боролись с **эпилептиками революции**».

Воюющие «демократические» страны приостановили полноценную парламентскую деятельность (функционировали только комиссии законодательных палат), а в монархической России с думских трибун во время кровопролитной войны впрямую призывали смести прави-

тельство: *«Та катастрофа, которая совершается, может быть предотвращена только немедленной сменой исполнительной власти... Мы должны сказать тем, кто сейчас не по праву держит в своих руках флаг: Уйдите, вы губите страну! А мы хотим её спасти. Дайте нам управлять страной, иначе она погибнет!»* (А.Ф. Керенский). (Известно, как вскоре распорядятся властью спасители страны.) *«Можно предположить, что в западных парламентах и самая крайняя оппозиция всё-таки чувствует на себе тяготение государственного и национального долга: участвовать в чём-то же и конструктивном, искать какие-то пути государственного устройства даже и при неприятном для себя правительстве. Но российские социал-демократы, трудовики, да и многие кадеты, совершенно свободны от сознания, что государство есть организм с повседневным сложным существованием, и как ни меняй политическую систему, а день ото дня живущему в государстве народу всё же требуется естественно существовать. Все они, и чем левее — тем едче, посвящают себя только поношению этого государства и этого правительства»* (А.И. Солженицын).

Страна вела смертельную войну, народ нёс миллионные потери, власть, худо-бедно, решала насущные проблемы, но общество в столицах будто на другой плане-

те: «Множество красиво одетого и явно праздного народа, не с фронта, отдыхающего — но свободно веселящегося. Переполненные кафе, театральные афиши — всё о сомнительных "пикантных фарсах" залиvistые светы кинематографов... — какой нездоровый блеск, и какая поспешная нервность лихачей — и всё это одновременно с нашими сырыми тёмными окопами? Слишком много увеселений в городе, неприятно. Танцуют на могилах» (А.И. Солженицын).

Нарастающий раскол и хаос создавали оптимальные условия для разрушительной деятельности **радикального крыла идеомании**. В воюющих «демократических» странах печать была под контролем властей. В России же во время войны отсутствовала гражданская цензура, военная действовала только на театре военных действий и ограничивалась узкой «профессиональной» тематикой — запрещала материалы, которые могли служить осведомлению противника. Правительственные чиновники в большинстве своём адекватно оценивали ситуацию, но бессильны что-то изменить: «*Наши союзники — в ужасе от разнузданности, какая царит в русской печати*» (С.Д. Сазонов). «*Наши газеты совсем взбесились. Всё направлено к колебанию авторитета правительственной власти. Это не свобода слова, а чёрт знает что такое. Даже в 1905-м они*

*себе не позволяли таких безобразных выходов. Его Величество указал тогда, что в революционное время нельзя к злоупотреблениям печати руководствоваться только законом, допускать безнаказанное **вливание в народ отравы**. Военные цензоры не могут оставаться равнодушны к газетам, если те **создают смуту**» (И.Л. Горемыкин).*

Слова премьер-министра не возымели никаких последствий, пресса превращается в эффективный **канал вливания в народ отравы**. «*Наша печать переходит все границы даже простых приличий. Масса статей совершенно недопустимого содержания и тона. До сих пор только московские газеты, но за последние дни и петроградские будто с цепи сорвались. Сплошная брань, возбуждение общественного мнения против власти, распускание сенсационных ложных известий. Страну **революционизируют на глазах у всех** — и никто не хочет вмешаться... Распространение революционных настроений полезнее врагу всяких других прегрешений печати*» (А.В. Кривошеин).

Ни правящий слой, ни власть не были способны идейно противостоять целенаправленной революционной пропаганде, ибо сами были подвержены либеральным формам идеомании. «*На революционную агитацию десятилетиями смотрело правительство Николая II как на неизбежно текущее, неборимое, да уже и привыч-*

ДАТА

*ное зло. Никогда в эти десятилетия правительство не задалось создать свою противоположную агитацию в народе, разъяснение и внедрение сильных мыслей в защиту строя. Да не только рабочим, да не только скучным тёмным солдатам — крестьянам правительство, **через никогда не созданный пропагандный аппарат, никогда не пыталось ничего разъяснить**, — но даже весь офицерский корпус зачем-то оберегало девственно-невежественным в государственном мышлении. Вопреки шумным обвинениям либеральной общественности правительство крайне вяло поддерживало и правые организации, и правые газеты, — и такие рыцари монархии, как Лев Тихомиров, захиревали в неизвестности и бессилии. И не выросли другие» (А.И. Солженицын).*

Невиданная в мировой истории по масштабам и жертвам война сама по себе не могла не обострить все проблемы огромной страны, находившейся на переходе к новому жизненному укладу. Впервые в истории были вооружены многие миллионы жителей, впервые столь масштабная война шла столь долго и обрекала миллионы людей на кошмар и разложение невыносимых условий фронтов. Ко всему этому добавлялось целенаправленное духовное разложение, внедряемое образованными слоями. **Война была проиграна задолго до её окончания, несмотря на огромные ресурсы**

России, ибо в душах людей рухнули основополагающие духовные устои: «Вся эта длинная цепь отдельных гибельных действий, из которых слагалось постепенное, быстро нарастающее крушение русской государственности, несостоятельность большинства правителей, неуклонность порядка, в котором лучшие люди вытеснялись всё худшими, и роковая слепота общественного мнения, всё время поддерживающего худшее против лучшего, — всё это лишь внешние симптомы более общей, более глубоко коренившейся + **болезни национального организма» (С.Л. Франк).**

Так духи злобы разрушали традиционные формы жизни, органичный уклад души и быта, разлагали религиозное и нравственное сознание, чувство гражданского долга и ответственности, парализовали возможное сопротивление. Сознание общества пленяли **болотные огни**: духи позитивизма и рационализма, атеизма и материализма, коммунизма и социализма. **«Революционный социализм, в своей чистой, ничем не смягчённой и не нейтрализованной эссенции, оказался для нас ядом, который, будучи впитан народным организмом, не способен выделить из себя соответствующих противоядий и привёл к смертельному заболеванию, к гангренозному разложению мозга**

и сердца русского государства ... Разрушительность социализма в последнем счёте обусловлена его материализмом — отрицанием в нём единственных подлинно жизнедательных и объединяющих сил общественности — именно органических внутренне духовных сил общественного бытия. Интернационализм — отрицание и осмеяние организующей духовной силы национальности и национальной государственности, отрицание самой идеи права как начала сверхклассовой и сверхиндивидуальной справедливости и объективности в общественных отношениях, непонимание зависимости материального и морального прогресса от внутренней духовной годности человека, от его культурной воспитанности в личной и общественной жизни, механический и атомистический взгляд на общество как на арену чисто внешне-го столкновения разъединяющих, эгоистических сил — таковы главные из отрицательных и разлагающих мотивов этого материализма» (С.Л. Франк).